

«ОКРЫЛЕНИЯ» Марины Цветаевой

Елена Дербилова,
художник-график

Юбилей Поэта

В юбилейный год 120-летия со дня рождения Марины Цветаевой поклонники её таланта и творческого гения собрались в Елабужском музее-заповеднике, где 20–23 августа 2012 года прошли «6-е Международные цветаевские чтения».

Девиз встречи — слова Поэта «Дух — мой сподвижник и Дух — мой вожатый». Чтения проходили в обстановке, проникнутой высоким настроением цветаевской поэзии. Утром 21 августа на Петропавловском кладбище возле могилы Поэта вёл панихиду священник из Парижа — о. Николай Лосский (сын известного русского богослова Владимира Лосского, с которым была знакома Марина Цветаева).

Наравне с русской речью здесь иноязычная речь лилась из уст переводчиков поэзии. Все они — гости из Великобритании, Франции, Италии, Финляндии, Швеции, Японии, Сербии (всего 14 человек). Среди них были и русские эмигранты, которым особенно понятны слова Поэта: «По трупам земных широт Рассовали нас как сирот». Вдали от Родины они проповедуют русскую культуру. Участники чтений побывали в доме последних дней жизни Марины Цветаевой, изучили экспонаты Литературного музея, отражающие её жизненный и творческий путь.

Открытие чтений ознаменовалось вручением общероссийской Литературной премии имени Марины Цветаевой. Ею наградили широко известных в мире цветаеведов Веронику Лосскую (Париж) и Анну Саакянц (Москва). Авторы многих книг, ведущие биографы, исследователи жизни и творчества Марины Цветаевой,

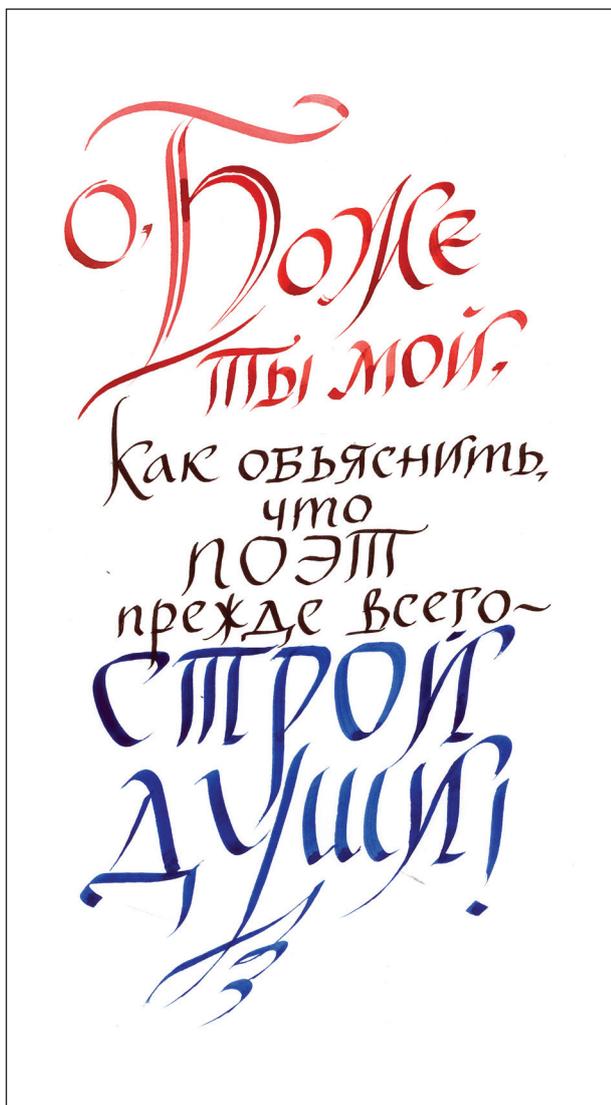
они много сделали для её популяризации. В зале были иностранные гости, поэты, литераторы, ученые из разных городов и регионов России.

Ежегодно, начиная с 2002 года, в Елабугу приезжает всё больше зарубежных исследователей творчества Поэта — делаясь своими открытиями.

В этот раз и мне посчастливилось участвовать в Елабужском фестивале. Вот предыстория. Впервые я прочла стихотворения Марины Цветаевой лишь в студенческие годы (в конце 70-х). Тогда её книги были — редкость. Взятый напрокат сборник стихотворений я «проглотила» молниеносно и осталась потрясённая, с ощущением, что стояла на краю действующего вулкана — ни с чем иным не сопоставимо.

После окончания Харьковского художественно-промышленного института с семьёй на 10 лет уехала жить в Татарстан.

В городе Набережные Челны с высоты пятнадцатого этажа нашего дома по ночам наблюдала россыпь огней на противоположном берегу Камы — Елабуга. Щемящее чувство, что там — она, Марина, — не отпускало. Иногда по воскресеньям мы наезжали в Елабугу. Поначалу не могли найти её домик — никак не обозначен и спросить некого — встречные не знали. Но вскоре всё переменилось. После Перестройки появилось множество книг Поэта и о Поэте. Теперь улочка частного сектора ведёт прямо к мемориальному комплексу Марины Цветаевой — скульптура (бюст), Литературный музей, Библиотека Серебряного века. Домик — её последний — отреставрирован и открыт

посетителям. Крошечный и печальный. Кстати, мемориальную доску возле дома (портрет-рельеф в бронзе) создал скульптор Анатолий Дербилов в соавторстве с архитектором Владимиром Нестеренко. Так началось «включение» в цветаевскую тему. Вернувшись в Харьков, с оглядкой на те впечатления, я написала цикл стихотворений «Поэтам». Но тема держала в плену. Вскоре издательство «Эксмо» (Москва — Харьков) заказало мне оформление серии сборников поэзии. Оформила книги Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Омара Хайяма и Сергея Есенина. Иллюстрации и каллиграфия — моё основное выразительное средство — названия стихотворений, цитаты... Много работы, но и это казалось лишь репетицией. К чему?

Назревала моя первая персональная выставка каллиграфии в Муниципальной галерее — «Талисман». Все композиции — на тексты стихотворений любимых поэтов. Сложилась и цветаевская серия из пяти листов плакатного формата. Репродукции этих листов и книгу Марины Цветаевой в моём оформлении отослала Литературному музею Елабуги.

И вдруг — звонок. Директор музея пригласила к участию в Фестивале и просила оформить текстами Марины Цветаевой (в переводах на несколько языков) зал заседаний. Так началось знакомство с переводчицами Татьяной Новосёловой и Евгенией Некрасовой (живущей в Англии) — авторами проекта. Вскоре мне прислали 45 крылатых фраз из прозы Цветаевой — на выбор. К каждой прилагалось по девять переводов. Ключевой фразой стало: «О Боже ты мой, как объяснить, что Поэт прежде всего — строй души!». Времени дан был всего один месяц. Написав 10 листов, остановиться не могла. С помощью друзей и знакомых удалось сделать еще десять переводов.

Получилось двадцать листов каллиграфии на языках: русском, английском, немецком, французском, шведском, татарском, башкирском, японском, армянском, итальянском, польском, украинском, грузинском, фарси, арабском, эстонском, молдавском, китайском, иврите, литовском.

Для меня это — счастливая возможность на примере одной крылатой фразы «поиграть» всеми видами разнохарактерной (разнонациональной) письменности. Используя всевозможные шрифтовые инструменты и композиционные средства, варьировать смысловые акценты, создавать эмоциональную напряженность в листах за счет графики букв и цвета. Да, эпиграфом этой выставки стала цитата А.С.Пушкина из стихотворения «Памятник» — «И назовёт меня всяк сущий в ней язык...». Еще один лист... Всё это — дань любви и благодарности за подвиг жизни и творчества высочайшего полёта.

Во славу ПОЭЗИИ.

ПОЭТАМ

I

Непостижимое сквозило,
 В окно серебряное — век,
 То Провидение открыло
 Зачем приходит человек:
 Родился — песнь свою исполни!
 Ты озарён моментом,
 Звучнее будет после молний
 Доска для инструмента.

Из флейт, цикад, колоколов,
 Виолончелей и органов
 Звучат оркестры голосов
 Стихами мыслящих титанов —
 Тысячеустая любовь...
 Слышны ли вам мои признанья?
 Я встречей счастлива, и вновь
 Сгустилось время, расстоянье.
 Фиоритурами слова
 Плетутся мысли кружева,
 Заворожёнными грядами
 Ложатся строчки за строками,
 И вы услышали едва ли,
 А уж в плену у них —
 судьба.

1996

II

Орфея помня времена,
 Иная музыка слышна,
 То Эвридика вышла вслед
 За песнею на белый свет.
 Во все века приходит вновь —
 Ведёт любовь.

Ведёт любовь,
 Где Северной Пальмиры слог
 Чеканил Александр Блок,
 Из топей лотоса стрела —
 Строка Ахматовой цвела.

Где в очистительный костёр,
 Ссыпая каждодневный вздор,
 Копытом ударял Пегас —
 Звенел сонет тотчас.

Я помню зыбкий лесосплав
 Вдоль побережья, как состав.
 Медведицы в ковше несут
 Парное молоко — Берсут.

Средь заводей и камыша
 Цапля белая — душа,
 За Камой грезили вдали
 Чистополя фонари.

Кирпичный красный особняк —
 Приют поэта. Пастернак
 Ступал на этом берегу —
 Цветы в снегу.

Плывёт Елабуга-ладья
 В осеннем мареве огня,
 Огибая холм. Стон —
 Там — Марины сон.

Стихи — легки, «прощай-прости»,
 Обогреваемы в горсти,
 Взлетели к небесам!
 Поэт, спасибо Вам.

2000–2004

III

«...всей силой безнадежной любви
к недоступной силе» (Марина Цветаева).

Сквозь закрытые веки пион,
Тёмный, с бледною сердцевинной
Я увидела — вот уже он
Распустился из точки единой.
В пять утра поманил первый луч,
Проколов частокол серых зданий,
Диск катился, горяч и могуч,
В небо чистое —

без колебаний.

Вкруг пластинки скользила игла,
Обрывая слова лепестками,
Горячо нестерпимо легла
Мне на сердце тоска со слезами.
Белой комнаты воздух дрожал
От раскатистых тех заклинаний,
Потрясающей страсти накал —
Стих Цветаевой —

без колебаний.

Несказанное всё назвала,
Глубиной потрясая названий,
По струне над ареною шла —
Страдивария —

без колебаний.

Чья душа ощутила сполна
Сокровенных прозрений, дерзаний,
Пленом письменного стола
Осчастливлена —

без колебаний.

Кто с таким наслаждением нижеет
И жжёт на воздетой шпаге
Всё, написанное в Париже,
Во Вшенорах, в Тарусе, в Праге?
Тишина её вся — иконе,
Вся тревога её — кифаре —
Что пропела она в Медоне,
Или выплакала в Кламаре.

Кто в Россию с собой принесла —
Дань бессонниц, любви и страданий,
Лебединым крылом подняла
Вихри музыки —

без колебаний.

Устояла гранитной скалой,
Устремлённою в небо всё выше,
Кто былинкой была золотой,
Той, что ветер свободно колышет.

07.2007